

ЗДРАВСТВУЙ, ПЛЕМЯ МЛАДОЕ, НЕПОНЯТНОЕ

допрос поэтов

1. В последнее время в критике начали говорить о появлении в русской литературе новой силы – «поколения тридцатилетних», о поэтах, которые начали свой путь в нулевые и в наши дни играют всё большую роль в литературной жизни – и как поэты, и как организаторы литпроцесса. Считаете ли вы это новое поколение действительно заслуживающим внимания с точки зрения качества производимой ими литературной продукции?

2. Что, с Вашей точки зрения, является основными отличительными эстетическими и человеческими чертами этого нового поколения?

3. Какие черты поколения миллениалов представляются вам привлекательными, а какие – негативными?

4. Что бы Вы могли посоветовать писателям и литературным деятелям нового поколения?

Геннадий КАНЕВСКИЙ:

1. Я бы с большой осторожностью говорил о делении литературы на поколения вообще и на периодизацию этих поколений по возрастному признаку – в особенности. Если говорить о таланте, об отношении к языку, о степени внутренней свободы, то среди авторов восьмидесятых годов рождения очень много выдающихся, особенно – в поэзии. Парадокс заключается в том, что – и я глубоко в этом убеждён – чем талантливее автор, тем менее он склонен объединяться в группы, стаи, своры, творческие союзы, банды и мафиозные группировки. Если говорить о персоналиях в поэзии (наиболее близкая и интересная для меня сфера) – это москвичи Марианна Гейде, Василий Бородин, Андрей Черкасов, Екатерина Соколова, Татьяна Мосеева, Дмитрий Гаричев, Денис Крюков, Кирилл Корчагин; питерцы Алексей Порвин, Владимир Беляев, Александра Цибуля, Станислава Могилева; казанка Анна Русс; саратовка Дина Гатина; уральцы Екатерина Симонова, Елена Баянгулова, Юлия Подлубнова, Алексей Сальников и Руслан Комадей, сибиряки Галина Рымбу и Фёдор Корандей.

2. Отсутствие страха, открытость миру, неприязнь к идеологической зашоренности, ангажированности и догматизму любого рода, начитанность, владение

разнообразными техниками письма и сочетание его со смежными художественными практиками.

3. Опять же оговорю условность и лукавство термина «поколение миллениалов». О привлекательных чертах я сказал в ответе на предыдущий вопрос. В сравнении же с последующим и, в первую очередь, пронизанным страхом и конформизмом предыдущим поколением условные негативные черты представляются мне столь несущественными, нетипичными и индивидуальными, а не всеобщими, что я предпочел бы не касаться их вообще.

4. Я им – ничего: мне кажется, им во многом удалось выразить себя и успешно реализоваться. А вот что они посоветовали бы мне и тем, кто старше меня, мне было бы интересно услышать. Вопрос в том, где нам взять спокойствия и мудрости, чтобы воспринять их советы. Как сказал один мой литературный ровесник, наше время – это время, когда старшие чаще учатся у младших, нежели наоборот.

Марина КУДИМОВА:

1. В искусстве нет старших и младших. Паспортные данные здесь не играют никакой роли. Есть только учителя и ученики. Это такое «место встречи», где ученик может быть втрое старше учителя, а учитель признать себя побежденным. Начало литературной жизни поколения второй половины нулевых совпало с

кризисом этой неразлучной пары. Учитель – не обязательно преподаватель Литинститута. Там – Мастер (иногда напрочь забывший основы мастерства). Он необязательно физически жив. С ним не обязательно очное знакомство. Учитель – нивелир. Как написано в справочнике – «прибор для определения разности высот, проверки ровности поверхности путем определения превышения одной точки над другой горизонтальным лучом». На мой взгляд, именно эти ориентиры утрачены новым поколением. С этим связаны многие их творческие проблемы, в том числе и то обстоятельство, что литературтрегерство многих гораздо плодотворнее, чем собственно творчество. Но пройдут годы – и не будет иметь ровно никакого значения, сколько ты организовал премий или фестивалей. От литератора остаётся только текст. Совокупность текстов. Избранное. Хорошо, назовём это «литературной продукцией». Хотя в подобном маркетинговом термине зарыта собака поколения, знающего, как себя продать, но не знающего, как писать.

2. Эстетически оно (поколение) мне кажется сильно зависимым от актуальной повестки, то есть моды, и таргетинга, то есть целевой аудитории, как правило, ограниченной своим кругом. Человечески мне все, кого я знаю, очень симпатичны. Молодые люди вообще в основном симпатичные независимо от рода занятий.

3. Они умеют дружить, молодёжно общаться. Но не умеют метафизически уединяться. А это после 30 – едва ли не залог литературного будущего. Соцсети сделали их многолетними участниками шоу «За стеклом», хотя само шоу, которого я так толком и не видела, кажется, просуществовало едва ли год. Жизнь миллениала слишком пусто-событийна, чтобы дать серьёзный результат.

4. Я бы посоветовала им написать «Жди меня». Или «Белый пудель». Можно попробовать «Весну в Фиальте» или «Размышления у парадного подъезда». Много чего могла бы в таком роде посоветовать.

Фаина ГРИМБЕРГ:

1. Не думаю, что в литературном процессе играет значительную роль общность возраста. Скорее значение имеет

общность убеждений, общий мировзгляд. Я не стала бы абсолютизировать само это понятие «поколение». Может быть, потому что никогда не чувствовала себя принадлежащей некому «поколению».

2. Если говорить о «человеческой направленности» современной русской поэзии, то, пожалуй, она сформирована двумя полярными направлениями современного бытия: неорелигиозным направлением и либеральным в стиле либерализма западноевропейской культуры. Что до эстетики творчества, то в неорелигиозном направлении доминирует рифмованный стих и попытка интерпретации постулатов религии; в «либеральном направлении», напротив, доминирует верлибр, настроение в своём роде «нового гедонизма» – жизни для себя; исключены такие понятия, как взаимопомощь, целомудрие, чистота... Но любопытно развитие в быту волонтерского движения, в котором участвуют представители обоих направлений.

3. Негативными чертами, отразившимися в современной литературе, и в поэзии, в частности, мне видятся черты, явно воспитанные современными концепциями психологии личности: вся сложность человеческих отношений сводится к понятию «игры»; человека нацеливают опять же на гедонистическую жизнь для себя; люди вокруг твоей личности стремятся «использовать тебя», навязывают тебе «абьюзные» и «токсичные» отношения; понятия доброты, доверия, взаимопомощи фактически исключаются... Особенно вредоносным я считаю феминистский дискурс, направленный на разрушение традиционной семьи, на воспитание женщин в духе ненависти к мужчинам... Поэтов свободных от диктата доктринальных убеждений того или другого направления пока не встречала...

4. Что бы я посоветовала современным авторам? Стремиться к истинной свободе творчества.

Кирилл АНКУДИНОВ:

1. Любое литературное поколение заслуживает внимания. В творчестве любого литературного поколения встречаются качественные и некачественные произведения. У меня нет причин рассматривать «поколение тридцатилетних поэтов» как принципиально отличающееся от предыдущих поэтических поколений.

2. Тридцатилетние поэты разбрелись внутри себя так, что я сомневаюсь в том, что различные культурные идиолекты в этом поколении способны к диалогу. С другой стороны, сами группы-идиолекты очень компактны. Читая стихи поэтов этого поколения, я сразу же выявляю «язык», на котором стихи написаны. Это не радует меня: слишком много стихов, написанных одним из языков, слишком мало стихов, написанных «я», личностью, индивидуальностью. Не поэт пишет стихи, а язык пишет стихи поэтом.

3. О негативной черте «поэтического поколения тридцатилетних» я сказал, отвечая на предыдущий вопрос. Теперь поговорю о хорошем. Это поколение менее идеологизировано по сравнению с «поэтическим поколением сорокалетних» и, тем более, с моим поколением – с «поколением пятидесятилетних». Это радует.

4. Я дам два совета, потому что «языков» внутри поколения – два. «Простой» и «сложный».

Тем, кто пишет на «простом языке», я советую не ограничиваться только чувствами; советую не считать, что сильные чувства могут заменить поэту ремесло и знания. Мало чувствовать. Надо знать поэзию. И не только классическую, но и современную.

Тем, кто пишет на «сложном языке», я советую не доверять «трём китам» – асемантизму, верлибру и «травмописи». Смысловые стихи всегда лучше, чем бессмысленные. Верлибр коварен и редко кому удаётся. Личностные травмы – те же чувства, и сложные поэты-травмописцы идентичны простым поэтам-чувствописцам.

В этом плане Васякина не отличается от Ах Астаховой. Васякина талантливее, но от поэзии она ушла далеко, дальше Ах Астаховой; её тексты – не поэзия, а какой-то шахсей-вахсей.

Всем поэтам «промежуточного пространства» я дам первый совет и второй совет сразу.

Диана КАН:

1. Я как-то не делю поэтов по поколениям, исходя из хронологии. Есенин, к примеру, по-моему мнению, является едва ли не титульным (наряду с Пушкиным) представителем золотого века отечественной поэзии, хотя жил во времена серебряного века. То же самое с ранней Цветаевой... Они, кстати, и ощущали себя более современниками Пушкина, нежели современниками своих современников, это видно по стихам. И тут самое время вспомнить слова Расула Гамзатова, что поэт земляк всех наций и современник всех эпох. Хронология, возраст автора, его профессиональная, профессиональная и прочие принадлежности – не самые главные факторы. Есть поэты зрелые в 30 лет и даже раньше (Есенин, Лермонтов, Павел Васильев и так далее), и есть так называемые «молодые поэты» в сорок лет и даже старше. Это категория авторов, которые так и не стали, по сути, мастерами слова, навсегда оставшись «молодыми». Словосочетание «молодой поэт» на самом деле это отнюдь не комплимент, а скорее имеет формат оправдательный. Мол, не стреляйте в поэта, он молодой, пишет, как умеет. В идеале поэт должен в максимально кратчайшие сроки выйти на позиции мастера и построить свой неповторимый поэтический мир. И на это у него есть максимум 7 лет (по моим многолетним наблюдениям), потому что если автор будет пребывать в литературе лишь благодаря молодости, это возрастная подмена главного – творческого! – критерия. К тому же следом идут новые поколения «молодых», которые просто попросят «со сцены» так и не ставшего мастером автора, говоря: «Теперь мы тут молодые! А ты типа-того старпёр». Утешаясь быстротекущей молодостью, ушло в никуда как минимум два поэтических поколения,

увы! Поэзия сколь Прекрасная Дама, столь же и жестокая! Или ты делаешься мастером за 7 лет, или тебя, как творчески уважаемой единицы, просто не будет. Лично у меня «молодые» поэты за сорок лет, продолжающие на голубом глазу создавать стишатики-даунятки, вызывают чувство жалости. Причём, ещё одна жестокая вещь: количеством в поэзии ничего решить нельзя. Можно написать километры стихов, но в поэзии количество в качество не переходит. А можно написать небольшую книгу, которая перевесит томные многотомья. Поэзия – терра инкогнита, где перестают действовать законы физики.

2. Поток плохо организованного с точки зрения формы сознания, что сегодня частенько выдаётся за поэзию молодых, есть путь в никуда. Тексты многословны, мутны, концептуально не осмыслены, драматургически не отыграны. А почему? А потому что в подавляющем большинстве случаев нет под этим качественным фундаментом классики, без которого любое творчество – замок на песке. Прежде чем стать верлибердистом, научись рифмовать! А форма – это классика, это Пушкин, это Блок. Это поэты-классики так называемой питерской школы поэзии. Кованый гранёный, как штык или как алмаз – стих. Он, как матрица, будучи единожды прочитан, входит в духовную структуру читателя навсегда. Только владея школой классического стихосложения, можно строить свой неповторимый поэтический мир. Архитектор Гауди, к примеру, построил очень необычный собор. Но Гауди прекрасно владел классической технологией строительства и не строил свой собор без знания классических канонов архитектуры.

3. В молодых прекрасны задор, молодая энергетика, вера в себя. Но всё это – хороший завтрак, но плохой ужин. Верить в себя поэту надо, но уверенность должна быть подкреплена не только способностями, но и работой. А сейчас авторы более склонны хайповать и тусоваться. Между тем работа поэта скрыта от глаз, это работа, чуждая суеты, а выступления перед

публикой лишь часть поэтического дела, верхушка айсберга.

4. Да какие советы? Можно, конечно, много говорить и даже по существу. НО! Поэзия – такая ужасная и одновременно прекрасная – территория, где каждый автор спасается, как может. Каждый человек, а поэт в особенности, одинок. И только Бог, а талантливый человек не может не верить в Бога, ибо ощущает Его присутствие в себе в виде божьего дара, только Бог знает, что нам надо. Часто то, что хорошо для жизни, оказывается гибелью поэта в человеке... Всем нам надо быть внимательнее к «подсказкам ноосферы». И ещё – помнить, что стихи сбываются! И чем талантливее автор, тем больше вероятности, что они сбудутся. Потому пишите, по возможности, так, чтобы прочитав ваши стихи, не повеситься от тоски хотелось, но – жить, летать, любить, не закрывая глаза на то, что мир несовершенен с нашей земной точки зрения. Однако, давая такой совет, я прекрасно понимаю, насколько прав Рубцов: «О чём писать – на то не наша воля!»

POST SCRIPTUM. От первого лица

Дана КУРСКАЯ

Я человек начала двухтысячных.

Наше поколение успело застать живого Цоя, но помнило его уже смутно. Зато именно нам довелось встретить и проводить Горшка – и сформировать от своих пятнадцати до двадцати семи жизнь как некую жуткую сказку с пьяным романтическим героем.

Но чего вы хотите – ведь мы родились в страшной сказке – и на наших детских глазах вечно кого-то убивали: то Листьева в подъезде, то Талькова почти на сцене, то кто-то просто ложился под танки, – а параллельно на экране завывали колдуны в чёрных кожаных пиджаках и блестящих балахонах – кашпировские, чумаки, лонги, джуны и ванги.

Мы успели первыми вкусить сникерсы, марсы и другие райские наслаждения, но сразу после этого стало так голодно и страшно, что мы проклинали себя самыми страшными детскими проклятиями, потому

что за всё это необъяснимо чувствовали свою вину.

Это наше поколение успело одновременно послушать рассказы бабушек и дедушек про героев Великой Отечественной войны и рассказы родителей на кухне про рыночных рэкети́ров. Потому у этих повзрослевших детей не было другого выбора, чем взять себе в кумиры усталого Данилу Багрова, который перед решительной смертельной схваткой мается с похмелья и готов положить десяток бандитов, лишь бы ему дали таблетку анальгина.

Мы прошли путь от грампластинок до mp3-плееров, слегка подзадержавшись на аудио-кассетах и стремглав промчавшись по эпохе компакт-дисков. Именно на наше самое гормональное время окончания школы пришлось рождение группы «Звери» – поэтому что мы можем сейчас знать о любви, если силу этого чувства пришлось постигать по строкам «я ухожу, ухожу красиво»? Зато именно нам повезло первыми посмотреть «Титаник» – и понять, что настоящая любовь всегда в конце концов уйдет под воду с концами, поэтому не зазорно переспать на первом же свидании. Мы выросли несчастными в любви, как и завещал нам Тайлер Дёрден с переписанных пиратских видео-кассет, а погрешность счастливых семейных людей в нашем поколении – это результат сериалов «Дикий ангел» и прочих тропиканок.

Мы впервые пробовали вкус чужих губ – пока на экране телевизора рушились башни-близнецы. Мы впервые ложились в одну кровать – пока газеты кричали о заложниках в Беслане.

Мы клялись друг другу в вечной жизни – пока террористы брали «Норд-Ост» и взрывали станцию «Лубянка».

Но что с нас было взять – ведь ужас трагедии мы впитали с материнским молоком, настоенным на первых новостях чернобыльской катастрофы.

Это наше поколение можно назвать связистами – мы преуспели в освоении средств связи: пейджеры, мобильные и интернет. Мы первыми начали ходить в офис, и первыми сбежали оттуда на фриланс. Именно потому что раньше других прохавали про связь что-то важное.

Поколение, которое старше нас на пятнадцать лет, принято считать брошенным, нас же принято называть напуганным. Ну да, мы возможно чего-то напугались – но смогли справиться со страхом. Точно так же как «брошенное» предыдущее поколение полежало-полежало да и быстренько поднялось.

...Одним словом, можно сказать, что мне повезло.

Я человек двухтысячных.

Усталый, раздраженный, напуганный.

Но при этом вечно молодой. Вечно пьяный.